

ственного текста как признака индивидуально-авторского стиля, а также ставят вопрос о роли микро- и макроконтраста в реализации идейно-художественного замысла произведения.

Библиографический список

1. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. — М.: Высшая школа, 1979.
2. Гудкова В.Б. Металингвистическое описание речевого акта в произведении художественной литературы (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Самара, 2003.
3. Микоян А.С., Тер-Минасова С.Г. Малый синтаксис как средство разграничения стилей. — М.: Изд-во МГУ, 1981.
4. Dickens, Ch. Bleak House. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957.
5. Maugham W.S. Theatre. — М.: Международные отношения, 1979.

М.В. Демина

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ТРАДИЦИОННОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

Самарский государственный университет

Являясь одним из наиболее перспективных познавательных конструктов в современном языкознании, гендерный подход с успехом применяется в изучении самых разных типов дискурса — религиозного, политического, рекламного, научного, мифологического и т.д. Цель данного исследования — выявление приоритетных сфер жизнедеятельности мужских и женских персонажей британского сказочного дискурса, позволяющее пролить свет на традиционные представления о гендерно обусловленных социальных ролях. Предметом исследования являются апелляции к гендерным концептам, то есть лексические единицы, вербализующие концепты “мужчина” и “женщина”.

Концепты, образующие гендерную концептосферу, существуют не хаотично, а объединяются в группы в соответствии с доминирующим компонентом значения. Исследователи, ведущие изыскания в области гендерной лингвистики, разработали несколько моделей категоризации, различающихся по количеству и названиям выделяемых подгрупп, но в целом совпадающих по параметрам выделения.

Так, Г.Г.Слышкин, анализируя гендерную концептосферу современного анекдота, говорит об “идентифицирующих признаках” или “дополнительных характеристиках” и выделяет такие подгруппы, как: семейно-родственные отношения; профессия, должность; возраст (для

концепта “женщина”) и профессия, должность; семейно-родственные отношения; имущественное положение; возраст; пороки; состояние здоровья (для концепта “мужчина”).[6]

И.В.Палаева, реконструируя гендерную концептосферу среднеанглийской картины мира, отмечает ее сегментную структуру и выделяет 9 сегментов, ее составляющих: социальные маркеры, феодальные концепты, религиозные концепты, военные концепты, имущественные концепты, профессиональные концепты, семейно-родственные отношения, межличностные концепты, психофизиологические концепты. [4]

Разработанный нами вариант сегментации гендерной концептосферы основывается на наличии/отсутствии объекта, необходимого для идентификации референта, и его качественных характеристиках.

Мы считаем возможным выделить в рамках гендерной концептосферы британского сказочного дискурса три универсальных сегмента (*индивидуальный, реляционный, социальный*) плюс один, являющийся отличительной особенностью сказки и родственных жанров (фэнтези, фантастика) – *сверхъестественный*.

Индивидуальный сегмент включает в себя все виды апелляций к концептам “мужчина” и “женщина”, которые отражают характеристики, имманентно присущие субъекту и не зависящие от его отношений с другими субъектами или обществом в целом, – возраст, психофизиологические параметры (внешние данные, ментальные характеристики), национальность.

В реляционный сегмент входят апелляции, базирующиеся на отношениях: личность – личность. Иными словами, в рамках данного сегмента личность определяется с позиций другой отдельно взятой личности (личностей). Это могут быть семейно-родственные отношения либо межличностные отношения людей, связанных дружбой, враждой, общим делом, законами гостеприимства и т.д. Реляционный сегмент также включает в себя группу эмоционально-оценочных (пейоративных и мелиоративных) апелляций.

К социальному сегменту относятся все апелляции, указывающие на положение индивида в обществе, на те функции, которые он выполняет по отношению к социуму. Речь идет, в первую очередь, о профессиональных характеристиках, но сюда также можно включить имущественное положение, отношение к власти и ряд других концептов.

Вышеперечисленные сегменты являются универсальными и могут с успехом применяться для анализа гендерной концептосферы в различных типах дискурса. Необходимость выделения четвертого, сверхъестественного, сегмента обусловлена жанровыми особенностями исследуемого материала. Сверхъестественный сегмент объединяет две подгруппы – волшебные персонажи (сверхъестественные

существа, такие как эльфы, привидения, кентавры) и магические способности (люди, наделенные нетипичными, волшебными способностями — волшебники, ведьмы).

Определив, таким образом, параметры категоризации, перейдем к рассмотрению гендерных ролей в традиционном сказочном дискурсе, представленном в нашей выборке 60 народными сказками Британских островов.

Проведенное исследование подтверждает тезис об андроцентричности гендерной концептосферы. Это проявляется как в количественном преобладании апелляций к концепту “мужчина” (188 лексических единиц, реализующих концепт “мужчина”, и 83 различные апелляции к концепту “женщина”), так и в производном характере многих лексических единиц, вербализующих фемининные концепты (*host — hostess; companion — women companions*).

Асимметричным является и распределение гендерно маркированных лексических единиц по четырем основным сегментам гендерной концептосферы. Так, 26 % от всех апелляций к концепту “женщина” располагается в индивидуальном сегменте, распределяясь по двум подгруппам: возраст (*girl, maiden, young lady, little lass, old woman, old dame* и др.) и психофизиологические параметры (*beauty, bonnie lassie, pretty daughter, lady of great beauty* и др.).

Для концепта “мужчина” доля индивидуального сегмента составляет всего 13,5%, причем преобладающее значение здесь имеют возрастные характеристики (*boy, lad, youth, young man, old man, baby-boy, bairn* и др.).

Возраст персонажа в значительной степени определяет его роль или, по терминологии В.Я.Пропша, “функцию” в сказочном сюжете: молодой человек или мальчик выступает в роли героя/антигероя; пожилой или старик — в роли дарителя, отправителя или вредителя. Возраст главного персонажа часто является определяющим в вопросе о жанровой разновидности народной сказки: в волшебной сказке чаще фигурирует юноша, в бытовой — мальчик. Вышесказанное верно и для женских персонажей.

Помимо возраста, апелляции к концепту “женщина”, расположенные в индивидуальном сегменте, могут содержать ссылку на психофизиологические параметры персонажа, а именно внешние данные². Традиционно бытует мнение, что большинство женщин в сказ-

---

¹ Что касается ментальных характеристик как мужских, так и женских персонажей сказочного дискурса, они крайне редко выступают в роли входов в гендерные концепты, хотя могут даваться в качестве предиката. Например: “*The youngest of the three strange lassies was called Molly Whuppie, and she was very clever.*” (EFT; 84)

ках – писанные красавицы. Действительно, практически все апелляции с дополнительным значением “внешность” содержат в себе сему “красота”: *beauty, bonny lass, pretty daughter, the beautifullest lady, lady of great beauty* и т.д.

Отметим, однако, что красота является обязательным атрибутом героини лишь в “мужских” сказках, где женщина не играет активной роли в сюжете, выступая в качестве своеобразного приза, награды главному герою за пройденные испытания.

В “женских” сказках чаще всего наблюдается противопоставление между красавицей-героиней и некрасивой/выми антигероиней/нями. В некоторых сказках антигероиня красива, но все же уступает главной героине, что и становится причиной зависти и служит завязкой сюжета (ср. “Gold-tree and Silver-tree”). Наконец, выделяется небольшая группа сказок, главная положительная героиня которых не является писаной красавицей (ср. “Kate Crackernuts”). Именно такие героини являются наиболее деятельными, они сообразительны и остроумны, они не ждут, когда прекрасный принц спасет их от всех проблем (включая прожорливых чудовищ и отцов-тиранов), они сами строят свою судьбу, находя мужа не только себе, но и своим более красивым сестрам. [подробнее о “женских сказках” данного типа см. 1]

Апелляции к маскулинному концепту с дополнительным значением “внешность” в традиционном сказочном дискурсе практически отсутствуют. В выборке зарегистрированы только две лексические единицы этой подгруппы, отражающие недостатки внешности (*cripple* и *humpback*).

Такая асимметрия объясняется, на наш взгляд, различными функциями маскулинных и фемининных персонажей в сказочном дискурсе. Красота женщины увеличивает ее ценность как объекта завоевания, для мужчины как активного персонажа внешность не имеет значения. Как справедливо отмечает Н.Л.Пушкарева, “согласия героини на брак никто не спрашивает: предполагается, что уж если сам царь влюбляется без памяти в ту, что сшила ему сорочки, ... то значит, обсуждать уже нечего и, как говорится, торг неуместен...” [5, 95]

В реляционный сегмент входят 45 % апелляций к концепту “женщина” и 30,5 % апелляций к концепту “мужчина”. При этом распределение гендерно маркированных лексических единиц по подгруппам внутри данного сегмента не является симметричным. Большая часть апелляций к фемининному концепту входит в подгруппу со значением семейно-родственные отношения (*wife, mother, daughter, sister, bride, half-sister, foster-mother, stepdaughter, King of Dublin’s daughter* и др.). В 27 из 60 исследуемых сказок женщина выступает как “жена”, в 24 – как “мать” и в 22 – как “дочь”. Это значительно превышает частотность лексических единиц с другими оттенками значения и

подтверждает сделанный Г.Г. Слышкиным на материале русских анекдотов вывод о том, что “семейно-родственные отношения существенно превалируют над прочими дополнительными идентификаторами лица женского пола”. [6]

Семейно-родственные отношения играют важную роль и в создании маскулинных образов, реализуясь в таких апелляциях, как *father, son, husband, brother, grandfather, cousin, godson, son-in-law, stepson, uncle* и др. Здесь также наблюдается своя специфика. Если соотношение женщины как жены, как матери и как дочери в британской народной сказке приблизительно одинаково, мужчина в два раза чаще позиционируется как “отец” или “сын”, чем как “муж”. Как отмечают Л.А. Шарикова и Т.В. Штанг, одна из важнейших составляющих стереотипной характеристики мужчины в эпосе – “его родовая принадлежность и, соответственно, отношения, где он выступает как предстатель своего рода, сын и отец” [7, 289].

Помимо семейно-родственных связей, мужчина в сказочном дискурсе активно взаимодействует с другими персонажами, вступая в межличностные отношения и выступая по отношению к окружающим в качестве *companion, comrade, mate, neighbour, host, subject* и т.д. Внеfamilial роли женских персонажей в реляционном сегменте значительно более ограничены: *mistress, sweetheart, stranger, women companions*.

Как уже отмечалось выше, к реляционному сегменту гендерной концептосферы также относятся пейоративные и мелиоративные апелляции, которые дают эмоциональную оценку референта с позиций другой личности. Для традиционного сказочного дискурса актуальными являются только пейоративные апелляции к концепту “мужчина” – *rogue, villain, idiot, scoundrel, simpleton* и др. Мелиоративные апелляции в британском сказочном дискурсе практически отсутствуют (исключение составляют формы *lassy/lassie* и *laddie* как уменьшительно-ласкательные от нейтральных *lass* и *lad*). Пейоративные апелляции к фемининному концепту в выборке не зарегистрированы.

Небольшая группа апелляций к концепту “мужчина” с дополнительным значением “положение у власти” занимает промежуточное положение между реляционным и социальным сегментами. Часть входящих в нее лексических единиц описывает мужчину с позиций его подчиненного / подчиненных (*master, chief, chieftain, head man, captain of the robbers*). Другая часть указывает на главенствующее положение в обществе (*king, monarch, king of Erin, Lord Mayor of London* и др.) Еще одно свидетельство гендерной асимметрии – лексема *queen* в отличие от своего маскулинного аналога (*king*) за редкими исключениями не реализует сему “власть”, являясь в сущности лишь свидетельством высокого социального статуса. В отсутствие мужа ко-

ролева не может не только управлять страной, но даже сама выбрать имя для новорожденного сына (“Nix Nought Nothing”).

Социальный сегмент объединяет 46,5 % апелляций к концепту “мужчина” и 25 % апелляций к концепту “женщина”. Именно на этом уровне наиболее отчетливо прослеживаются качественные и количественные различия в тех ролях, которые исполняют мужские и женские персонажи сказочного дискурса как члены социума.

Профессиональный признак является актуальным для обоих концептов, но если число апелляций к концепту “мужчина” с дополнительным значением “профессия” в количественном отношении стоит на первом месте, число аналогичных апелляций к концепту “женщина” относительно невелико. В выборке зарегистрировано 65 “мужских” профессий (*farmer, thief, servant, knight, captain, butcher, cowboy, shepherd, cobbler, priest, tailor, swordsman, dancer, merchant, surgeon* и др.) и 12 “женских” (*maid, henwife, housekeeper, nurse, scullion girl, woman teacher* и др.).

Данные о профессиональной идентификации мужских и женских персонажей британского сказочного дискурса представляют несомненный этнографический интерес как средство воссоздания гендерного портрета в традиционном обществе.

Спектр мужских профессий очень широк и включает в себя такие сферы жизнедеятельности, как животноводство (*cowboy, shepherd, cattle-keeper, cow-herd, cow-keeper, horse-herd, shepherd lad*), земледелие (*farmer, ploughman*), военное дело (*knight, warrior, fighter, man-at-arms, soldier, swordsman*), мореходство (*captain, sailor, boatman*), охота и рыбная ловля (*fisherman, hunter, huntsman, seal catcher*), охрана правопорядка (*guard, constable*), обслуживание (*servant, groom, butler, doorkeeper, stableboy, steward*), развлечения (*clown, dancer, harper, juggler, piper*), религия (*priest, bishop, bellman*). Мужчины также владеют всевозможными ремеслами (*cobbler, tailor, blacksmith, mason, shoemaker, tanner, thresher, tinker*) и нередко открывают свой “бизнес” (*merchant, inn-keeper, butcher, baker, miller*). Престижность и, соответственно, доходность мужских профессий варьируется от таких почетных и уважаемых в народе занятий, как *surgeon* или *scholar*, до занимающего одну из последних ступеней социальной лестницы *grave-digger*.

Круг женских вакансий ограничен такими малопrestiжными и низкодоходными сферами деятельности, как обслуживание и ведение домашнего хозяйства (*maid, cook, henwife, housekeeper, kitchen-maid, cook-maid, waiting-maid, nurse, scullion girl, washerwoman*). Все это свидетельствует о том, что женщина в традиционном обществе “социально малодетельна, круг ее трудовых функций ограничен, иерархическое положение низко”. [6]

Помимо профессиональных признаков социальный сегмент гендерной концептосферы включает в себя подгруппы со значением “материальное положение” и “благородное происхождение, титул”.

Материальное положение является, пожалуй, единственным параметром, по которому наблюдается симметрия маскулинного и фемининного концептов. Лексические единицы, реализующие семы “бедность / богатство”, образуют гендерно маркированные пары, например: *rich man – rich woman, beggar man – beggar woman*. При этом нельзя не отметить, что в сказках часто фигурирует такой персонаж, как “бедная вдова” (*poor widow, poor widow woman*) – то есть женщина, потерявшая кормильца и неспособная сама обеспечить себе достойное существование. В то же время материальное положение мужчины, потерявшего жену, совершенно не ухудшается, напротив, он оказывается в состоянии найти замену почившей супруге и обеспечить и ее, и ее детей от предыдущего брака.

Что касается подгруппы со значением “благородное происхождение, титул”, при количественном равенстве апелляций к концептам “мужчина” и “женщина” наблюдается их качественное различие. Лексические единицы, реализующие маскулинный концепт (*gentleman, lord, prince, laird, landlord, baron, noble, nobleman, squire, Crown Prince*), указывают на высокое положение их референта в обществе без ссылки на то, каким способом это положение было достигнуто. В ряде аналогичных апелляций к концепту “женщина” прослеживается мужское влияние – титул и благородное происхождение не являются заслугой их обладательницы, а достаются ей от отца или мужа (ср. *king's daughter, duke's daughter, countess*).

К сверхъестественному сегменту относятся 9% номинаций, реализующих концепт “женщина” и 10% номинаций, реализующих концепт “мужчина”. Подгруппа со значением “магические способности” представлена как фемининными (*witch, old witch, old hag, enchantress, henwife³, old henwife*), так и маскулинными (*druoid, magician, warlock, conjurer, enchanter, soothsayer, sorcerer*) апелляциями, что отражает реальную ситуацию в средневековой Британии, в которой занятия магией не являлись прерогативой одного из полов. Вместе с тем социальный статус мужских и женских магов в сказке (и в обществе) различен. Если волшебники, колдуны и заклинатели всех мастей являются неотъемлемым атрибутом королевского двора, берут на себя решение проблем государственной важности и зачастую располагают

---

³ “henwife” – “птичица” в британском сказочном дискурсе практически всегда связана с потусторонним миром и наделена сверхъестественными возможностями (см., напр., “Kate Crackernuts”, “Nix Nought Nothing”, “Fair, Brown and Trembling”).

неограниченной властью (ср., напр. “Assipattle and the Mester Stoorworm”), большинство ведьм – это “не пользующиеся популярностью жалкие одинокие старухи, предположительно обладающие способностью налагать заклятия, используя при этом ритуальные действия или слова” [2].

На “потусторонний” мир творцы сказок переносят гендерные стереотипы мира земного, в результате чего статистика по подгруппе “волшебные персонажи” отражает привычную гендерную асимметрию: номинации маскулинных фантастических персонажей преобладают в количественном отношении и являются более разнообразными. В выборке зарегистрировано около 20 маскулинных сверхъестественных существ (*giant, demon, monster, brownie, dwarf, impet, merman, ogre* и др.) и менее 10 фемининных (*elfin maiden, fairy maiden, merwoman, ogre’s wife* и др.). В гендерно маркированных парах (таких как *King of Elfland – Queen of Elfland, merman – merwoman*) номинации фемининных персонажей, как правило, являются маркированными членами оппозиции: *giant – giantess, ogre – ogre’s wife*.

Подводя итоги, еще раз отметим основные выводы исследования. Гендерная концептосфера британского сказочного дискурса включает в себя четыре сегмента – индивидуальный, реляционный, социальный и сверхъестественный. Соотношение апелляций к маскулинному и фемининному концептам на каждом из этих уровней свидетельствует о различном статусе мужских и женских персонажей и их различных сферах жизнедеятельности. Женские характеристики наиболее актуальны в реляционном сегменте гендерной концептосферы, мужские – в социальном. Иными словами, жизненное пространство женщины преимущественно ограничено рамками семьи и домашнего очага (это подтверждается и данными о ее профессиональной деятельности), ее ценность как личности, как правило, относительна. Мужчина является активным социальным деятелем, может занимать различные ступени социальной лестницы, его реляционные характеристики не ограничены кругом семьи. Значительное количественное преобладание апелляций к маскулинному концепту свидетельствует о большом разнообразии функций мужских персонажей и подтверждает факт андроцентричности сказочного дискурса, несмотря на значительную степень поэтизации женских образов. По меткому замечанию Карен Роуи, “волшебные сказки поддерживают патриархальный статус кво, изображая женское подчинение в виде романтически желанной и по сути неизбежной доли” [3, 237].

Источники фактического материала

1. Jacobs J. English Fairy Tales. – Puffin Books. – Printed in England by Clays Ltd, St Ives plc, 1994.

2. Irish Fairy Tales. – Wordsworth Classics. – Printed and bound in Great Britain by Mackays of Chatham plc, Chatham, Kent, 2001.

3. Scottish Folk and Fairy Tales (chosen and edited by Gordon Jarvie). – Penguin Popular Classics. – Printed in England by Cox & Wyman Ltd, Reading, Berkshire, 1997.

Библиографический список

1. Jason H. The fairy tale of the active heroine: An outline for discussion // Le Conte, pourquoi, comment? Folk tales, why and how? Colloques Internationaux du C.N.R.S. – Paris, 1984.

2. Nuttall D. Witch and Priest Juxtaposed: Two Figures from Irish Traditional Narratives // <http://haldjas.folklore/vol9/nuttall.htm>

3. Rowe K.E. Feminism and Fairy Tales // Women's Studies. – 1979. – № 6.

4. Палаева И.В. Реконструкция гендерной концептосферы в картине мира среднеанглийского периода: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Владивосток, 2005.

5. Пушкарева Н.Л. Читаем сказки “сквозь гендерные очки” (одна из методик гендерной педагогики) // Гендерные проблемы в общественных науках. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001.

6. Слышкин Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания (гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации). – М.: МГЛУ, 2002.

7. Шарикова Л.А., Штанг Т.В. Гендерный стереотип мужчины в германском героическом эпосе // Язык. Миф. Этнокультура. – Кемерово, 2003.

М.В. Иркабаева

ДИСКУРС И ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Башкирский институт развития образования

В связи с все повышающимся интересом к звучащей речи в лингвистике стали появляться новые методы и подходы, актуализирующие разные стороны и аспекты изучения такой важной и многосторонней сферы человеческой деятельности как речь.

В частности, речь может рассматриваться в неразрывной связи с экстралингвистическими условиями. Этот подход отражен в теории дискурса. “Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания” (ЛЭС, 2002, с. 136). Речь в этой теории не рассматривается оторвано от реальной действительности, от реальных ситуаций об-